
М. А. САВУШКИНА

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТАНАТОЛОГИИ*

Цифровое бытие современного человека изменило его отношение к важнейшим экзистенциалам культуры, в том числе к сакральной в прежние эпохи проблеме смерти. В статье анализируются особенности цифровой танатологии, поднимаются философские вопросы модусов цифрового послесмертия. В этико-правовом аспекте актуализирована проблема необходимости юридического ограничения распространения в Интернете контента с изображением тел или частей тел военнослужащих, погибших в зонах боевых действий. Анализируются морально-этические нюансы новых социокультурных практик: селфи с умершими; проведение стримов с похорон; создание цифровых кладбищ и распространение на интернет-платформах медицинских видео со вскрытием трупов. Автор предлагает включить раздел «Цифровая этика» в программы изучения этики в вузах с целью недопущения обесценивания проблемы смерти под влиянием цифровизации.

Ключевые слова: цифровое бытие, цифровое послесмертие, цифровая танатология, цифровая этика, цифровой след, цифровые останки, коммеморация, смерть.

Modern man's digital being has changed his attitude towards the most important cultural existentials, including the problem of death, which was sacred in previous eras. The article analyzes the characteristics of digital thanatology and raises the philosophical questions about the modes of digital afterlife. From an ethical and legal point of view, the article draws attention to the need to legally restrict the circulation on the Internet of the content depicting the bodies or parts of the bodies of military personnel killed in combat zones. The article analyzes moral and ethical nuances of new socio-cultural practices:

---

* **Для цитирования:** Савушкина М. А. Этико-философские аспекты цифровой танатологии // Философия и общество. 2024. № 1. С. 104–113. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.07.

For citation: Savushkina M. A. Ethical and Philosophical Aspects of Digital Thanatology // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 1. Pp. 104–113. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.07 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2024 104–113

DOI: 10.30884/jfio/2024.01.07

selfies with the dead; streaming from funerals, creation of digital cemeteries and sharing of medical autopsy videos on Internet platforms. The author proposes the inclusion of "Digital Ethics" course in the university curriculum on Ethics in order to prevent the devaluation of the problem of death under the influence of digitalization.

Keywords: *digital being, digital afterlife, digital thanatology, digital ethics, digital footprint, digital remains, commemoration, death.*

Масштабная цифровизация, пронизывающая все сферы жизни современного человека, не только стала этапом мирового технического прогресса, но и произвела ряд трансформаций в области экзистенциалов человеческой культуры. Цифровое бытие создало новые практики переживания человеком сакральной проблемы умирания и смерти. Интернет, социальные сети и мессенджеры, с одной стороны, позволяют человеку быть постоянно погруженным в коммуникацию с другими, а с другой – отчуждают его от закрепленных в культуре прежних эпох коллективных способов переживания экзистенциальных ситуаций. Цифровизация изменила способ включенности индивида в постсмертные ритуалы и практики коммеморации – передачи и сохранения исторической памяти. Личное присутствие на прощании с умершим стало необязательным: возможно выразить свои эмоции и горевание на его странице в социальной сети и участвовать в процессе похорон с помощью онлайн-трансляции. Также люди могут сами позаботиться о своем посмертном существовании и заранее записать соответствующие ролики-обращения, а специальная программа (танатобот) будет выкладывать их в сеть согласно предписанным условиям. Возможность тотальной фото- и видеофиксации событий и распространение информации через интернет-платформы изменили социокультурные акценты в восприятии человечеством феноменов смерти и умирания. Произошедшие изменения требуют детального этико-философского анализа.

Философские концепции цифрового послесмертия

Цельная концепция цифровой танатологии разработана в философских исследованиях Ю. Назаровой, которая определяет в качестве объекта изучения «спектр философских проблем, связанных с вопросами цифровой смерти, бессмертия и посмертного существования в виртуальном пространстве, в их социальном, культур-

ном, онтологическом, антропологическом и этическом аспектах» [Булычев, Назарова 2021: 61]. Этика цифрового посмертия является одной из максимально быстро развивающихся областей этического знания, поскольку ее формы и нормы складываются буквально на наших глазах. В центре этического дискурса о цифровой смерти находятся важные проблемы отношения живых к цифровым следам и коммеморации в Интернете умерших людей; исследование способов цифрового траура и горевания об усопших; проблема этико-правового отношения к цифровым останкам человека и к его посмертной цифровой личности. Отдельной этической дилеммой постулируется конфликт права и философской этики в отношении приравнивания цифровых останков человека (его аккаунтов, профилей, видео и фотографий, собственноручно выложенных в Интернет, постов) к биологическим останкам и, как следствие, применение к ним принципов биоэтики [Там же: 65]. По аналогии с телом физическим для описания сложного комплекса этических проблем, возникающих в культурном поле при анализе проблемы отношения к цифровым останкам человека, Ю. Назарова считает, что необходимо правовое признание термина «цифровые останки», поскольку это снимает этические противоречия и постулирует «признание, что в цифровой реальности тоже есть граница, разделяющая жизнь и смерть» [Назарова 2021: 34].

Современная цифровая танатология имеет ряд концептуальных проблем касательно собственной терминологии. Существует неясность с использованием термина «цифровая смерть», который употребляется для обозначения способов продления существования человека после биологической смерти в цифровом формате: «Цифровая смерть, таким образом, на самом деле есть цифровое бессмертие, при этом она достаточно наглядно демонстрирует то, что бессмертие не является чем-то возвышенно-положительным, райской вечной жизнью» [Большакова 2021: 48]. Нам представляется, что, вслед за Ю. Назаровой, логичнее при описании всех практик цифрового постсмертного бытия человека использовать термин «цифровое посмертие» по аналогии с английским *digital after-life*; термин же «цифровая смерть» скорее применим к ситуации полного уничтожения в Интернете и социальных сетях цифровых следов человека [Назарова 2021].

Отдельным аспектом проблемы является право умирающих и мертвых на защиту неприкосновенности своей «частной смерти»

по аналогии с неприкосновенностью «частной жизни»: насколько допустимы стримы (прямые трансляции) в прямом эфире на интернет-платформах моментов умирания человека или его похорон? В данное время не существует однозначных социокультурных регулятивов того, как после смерти человека его близкие и общество могут распоряжаться его постсмертным существованием в цифровом формате. В российском правовом поле еще не сложилось однозначной системы юридического регулирования вопросов, связанных с цифровым наследием гражданина и легитимностью его цифрового послесмертия и постсмертной активности в Интернете под его именем. Н. Данилов и В. Силкин анализируют юридические практики, действующие в США и Франции, и приходят к выводу о необходимости разграничивать имущественный и личностный аспекты цифрового наследия гражданина [Данилов, Силкин 2021]. К имущественному аспекту относятся все цифровые следы человека и виды его информационной активности, которые могут иметь коммерческую ценность после его смерти: «электронные денежные средства, криптовалюта, виртуальная собственность в видеоиграх, произведения, доступ к которым возможен только через определенный сервис, электронные документы коммерческой значимости» [Там же: 87]. Личностный аспект цифрового наследия имеет сложную этическую особенность и требует детальной проработки с точки зрения фундаментальных философских исследований, поскольку речь идет о цифровой идентичности пользователя и особенностях его цифрового послесмертия через действия других людей, ботов или специальных компьютерных программ. К личностному аспекту относится и феномен цифровых мемориалов, посвященных умершему, а также практика ведения третьими лицами его сайтов в Интернете и социальных сетях, постсмертное наполнение контентом его профилей, создание при помощи ботов сообщений от имени умершего, которые имитируют его языковой стиль и прижизненные особенности коммуникации. Возникают вопросы: как атрибутировать послесмертную цифровую идентичность человека – определять как *его* цифровое бытие или отделять действия третьих лиц и программ от его цифровой личности, которая существовала при жизни? Нарушает ли право индивида на защиту личных данных активность третьих лиц по созданию посвященных ему цифровых мемориалов, если при жизни человек не оставил на этот счет никаких официальных распоряжений? Желание близких продол-

жать ведение социальных сетей умершего, использование его мессенджеров для коммуникации с живыми от его имени – это право родных и близких на сохранение памяти о дорогом человеке или же нарушение его цифровой интимности? И главная философская дилемма: можно ли в условиях тотальной цифровизации обесценивать физическую смерть человека и считать его цифровое послемертие в многообразных формах способом преодоления умирания в рамках культуры, а не биологии?

Д. Бассетт, исследуя особенности влияния социальных сетей и интернет-платформ на восприятие людьми феномена смерти, приходит к выводу о том, что цифровизация является вызовом классическим экзистенциалам культуры, поскольку трансформирует, а иногда и полностью разрушает их. Возможность перевода материального мира в цифровые формы видоизменяет социокультурные модели горевания по умершему и архетипы утраты и ужаса перед смертью [Bassett 2022]. Выделяют три вида акторов архитектуры цифрового бытия человека после смерти: 1) поставщики цифровых услуг, манипулирующие проблемой утраты и побуждающие близких участвовать в развитии постсмертных цифровых практик; 2) создатели технологий, позволяющих имитировать жизнь, – танатоботов, которые копируют голос и интонации умершего и рассылают сообщения через мессенджеры или цифровых двойников; 3) родственники и близкие умершего, имеющие потребность в цифровом горевании и воспринимающие постсмертную цифровую коммуникацию и деятельность в отношении умершего необходимой и важной частью ритуала сохранения памяти о нем [Там же: 29]. Д. Бассетт приходит к выводу о том, что кажущиеся терапевтическими практики цифрового горевания об умершем и желание продолжить его *digital afterlife* имеют важные социокультурные последствия: физическая смерть человека обесценивается, человек приобретает иллюзию бессмертия пусть не в материальной, но в оцифрованной форме; уход из жизни воспринимается по аналогии с компьютерной игрой, когда умерший персонаж может стать активным при ее перезапуске или начале новой игровой сессии.

Смерть и мертвое тело в оптике интернет-пользователя: этические аспекты

Феномен социокультурного «снижения чувствительности к смерти» в результате цифровизации общества в современных философ-

ских исследованиях отмечается довольно часто. И. Шаповалов отмечает, что «тотальное перенесение восприятия и переживания конечности всего существующего в цифровую среду породило новую форму отчуждения человека – отчуждение от смерти» [Шаповалов 2021: 1205]. Интернет отчуждает человека от материальности бытия, погружает его в цифровое бытие, в мир знаков и симулякров, в результате чего снижается острота восприятия всего происходящего в мире материи. Преодолевая ужас перед смертью через участие в цифровых практиках постсмертия, человек начинает переживать смерть другого как нечто тяжелое, но довольно обыденное и получает успокоение относительно своей смерти через осознание возможности продления своей жизни через знаки, образы, сохранение себя как базы данных в течение довольно длительного срока. Смерть начинает восприниматься в диалоге с цифровым следом: по-настоящему я умираю только тогда, когда во всем Интернете, на всех серверах будут уничтожены все возможные цифровые следы, напоминающие обо мне. Идея бессмертия души в цифровой культуре заменяется идеей бессмертия цифры.

Цифровое бытие изменило представление о должных формах поведения живых в отношении захоронения умерших. В мегаполисах все более популярными становятся кремация и использование услуг крематориев по захоронению урн в стенах памяти в противоположность традиционным погостам и мемориалам. Возникает феномен цифровых кладбищ и мемориалов. Т. Рунаев, проводя социологический анализ практик переноса поминовения из материально-предметного бытия в цифровое, выделяет три вида цифровых кладбищ [Рунаев 2019]. Первый вид – создание цифрового мемориала при помощи QR-кода, который привязан к гиперссылке на сайт с контентом, посвященным умершему. Табличку с QR-кодом можно разместить на месте захоронения на кладбище, при этом не устанавливая классический материальный памятник. Второй – цифровые кладбища в виде страниц сайтов, социальных сетей, аккаунтов, которыми умерший пользовался при жизни. При этом возможно консервирование страницы с закрытием возможности комментариев либо сохранение формата активного комментирования страницы с целью выражения скорби или иных эмоций, связанных с погибшим. В данном случае возникает вопрос этического характера: насколько морально приемлема подобная публичная послесмертная коммуникация в отношении покойного? Очевидно, что вла-

дельцы интернет-платформ будут вынуждены в ходе прижизненной регистрации пользователя узнавать его планы о возможности сохранения аккаунтов после физической смерти, поскольку подобные открытые для комментирования профили умерших людей часто наполняются негативным или оскорбляющим память покойного контентом.

Третий вид цифровых кладбищ – специальные мемориальные сайты, на которых, как на реальном кладбище, «похоронены» информационные блоки об умерших в виде цифровых памятников; к примеру, в российском сегменте Интернета – сайты «Вечно с нами», «ПомниПро», «Российское виртуальное кладбище» [Рунаев 2019: 115]. Очевидно, что феномен цифровых кладбищ позволяет использовать цифровые технологии для возможности сохранения памяти и выражения скорби по умершим и экономит время и ресурсы в отношении коммеморации и ритуальных практик. Однако глубокий философский анализ феномена перевода ритуальных практик в цифровой формат свидетельствует о том, что через опосредованность знаком-образом снижается общая чувствительность в отношении конечности физического бытия человека и смерть десакрализуется, а все ритуальные действия становятся обыденными, отчужденными от заложенного в них социокультурного смысла. Возникает опасность смены коннотации особенности в отношении смерти как феномена на обыденное, повседневное восприятие. Перевод горевания по умершему в цифровые практики может привести к закреплению в культуре нового отношения к умиранию и мертвому телу как таковому.

Очевидно, что в современной цифровой культуре снимается табу с темы смерти [Мелешко 2021]. Возможность запечатлеть и сохранять образ жизни во всех деталях через цифровое видео, аудио и фото приводит к возможности протоколировать смерть, умирание и мертвое тело; происходит снятие ощущения неподконтрольности человеку процесса смерти. Древние обряды «приручения» смерти [Шинкова 2020] заменяются стримами и трансляциями: люди выкладывают на онлайн-платформы репортажи о постсмертных изменениях тел близких, проводят подробные съемки обрядов и похорон и даже ставят видеокамеры на кладбищах с возможностью онлайн-трансляции в сеть. В англоязычном сегменте интернет-платформ можно обнаружить медицинский контент вскрытий,

имеющий миллионные просмотры. Информация, которая раньше делала профессию патологоанатома сакральной и особенной, теперь доступна широкому кругу пользователей, и каждый может «заглянуть» в мертвое тело человека и узнать подробности процесса его разложения. Возможно, медицинское сообщество должно поставить перед владельцами интернет-платформ вопросы о допустимости подобного контента. Если существует понятие медицинской тайны при жизни, то вполне адекватной кажется идея о недопустимости распространения в Интернете специфически медицинского контента, связанного с манипуляциями с трупами. Можно привести аналогию с сайтами МВД России, на которых еще несколько лет назад любой пользователь мог зайти в раздел «Неопознанные трупы» и увидеть фотографии найденных тел, помещенные в общий доступ с целью опознания. В настоящее время подобные фотографии можно увидеть лишь на архивных страницах, а современные сайты МВД используют только нарисованные портреты неопознанных умерших. Очевидно, что при преподавании этики в медицинских вузах необходимо делать акцент на этической осознанности врача и медицинского работника в условиях цифровизации.

Этико-правовой регуляции требует распространенная в современном цифровом обществе практика селфи – фотографирования себя на фоне гроба с телом умершего, себя на похоронах либо в других формах взаимодействия с физическими останками человека. Фотографии живых с мертвыми не являются изобретением современного общества; в первые десятилетия с момента изобретения фотографии как способа фиксации реальности в Европе возникла практика фотографирования с умершими людьми. Фотографы даже имели специальные приспособления для фиксации трупов с целью придания им естественных поз на фотографиях. В советской культуре присутствовала традиция ритуального фотографирования и распространения в газетах фотографий лежащих в гробу политических деятелей, однако такие фотографии всегда сохраняли торжественно-скорбную подачу в постановке фотокадра. Изобретение смартфонов сделало фотографию доступной каждому и привело к практике фотографирования и выкладывания в публичное пространство Интернета любого момента жизни – от рождения до смерти. Люди делают селфи на похоронах своих близких, зачастую стремятся

на публичные прощания с умершими известными политическими деятелями или медийными лицами не для выражения скорби и прощания, а ради селфи и возможности получения «особенного» контента. Очевидно, что живой человек может отказаться от селфи или фонового попадания в кадр, у мертвого такой возможности нет; смерть в формате селфи живого с мертвым обесценивается, выполняя контентообразующую функцию. Подобные действия привели к появлению на похоронах известных людей специальных зрителей, вынужденных ограничивать попытки фотографирования на фоне гроба с телом.

Сложной в морально-этическом плане является и проблема регулирования допустимости видео и фото трупов либо частей тел людей в качестве контента интернет-платформ. В отношении возможности съемки тел или фрагментов тел погибших в результате боевых действий в настоящее время существуют правовые лакуны. Интернет-платформы используют предупреждение о травмирующем или опасном для зрителя контенте, но все равно допускают публичное воспроизведение подобных изображений. Очевидно, что, по аналогии с международными конвенциями о защите прав военнопленных, в условиях тотальной доступности фотографирования и видеосъемки необходимы подобные международные соглашения о защите прав погибших на поле боя и законодательные ограничения распространения подобного контента в Интернете.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная философская цифровая танатология, исследуя социокультурные особенности восприятия смерти через оптику цифровизации, постулирует факт обесценивания и десакрализации смерти в цифровой культуре. Общество находится в ситуации цифрового поворота в деморализации и деритуализации в отношении к умирающему и мертвому телу человека. Решением этой проблемы может стать обновление теории классической этики с учетом новых цифровых реалий. Нам представляется, что включение проблематики морально-этической ответственности человека за свое цифровое поведение в отношении живых и умерших в рабочие программы изучения этики и философии вузов будет способствовать гуманизации цифрового бытия.

Литература

Большакова А. С. Этические темы цифровой эры в оптике философии фотографии // *The Scientific Heritage*. 2021. № 80. С. 46–51.

Булычев И. И., Назарова Ю. В. Современные проблемы и перспективы цифровой танатологии: этический аспект // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. № 4(40). 2021. С. 57–69.

Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. Т. 17. № 1. С. 86–101.

Мелешко Е. Д. Трансгуманизм и цифровая этика // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2021. № 2(38). С. 5–16.

Назарова Ю. В. Этика послесмертия в условиях цифровой реальности // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2021. № 2(38). С. 31–38.

Рунаев Т. А. Виртуальные кладбища как коммеморативные практики: разновидности и векторы развития // *Вестник АГУ*. 2019. Вып. 3(244). С. 111–119.

Шаповалов И. С. Разрушение идентичности и отчуждение от смерти в танатосенситивной цифровой среде // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1202–1208.

Шинкова А. И. Трансформация отношения к конечности бытия-в-мире под воздействием цифровых вызовов // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2020. № 1(4). С. 1311–1341.

Bassett D. J. *The Creation and Inheritance of Digital Afterlives. You Only Live Twice*. Cham : Springer, 2022.